

Глава I. Гапоновская эпопея. Первая всеобщая стачка

Зубатова в Москве довольно быстро разоблачили. Сколь-нибудь значительных результатов он не добился. Но в Петербурге дела шли лучше. Гапон, очень ловкий и умело скрывавший свои истинные цели, сумел завоевать доверие и даже любовь рабочих. **Талантливому агитатору и организатору, ему удалось создать так называемые «Рабочие секции», которыми он руководил с присущей ему энергией. К концу 1904 года этих секций было уже 11, по числу районов столицы, и они насчитывали несколько тысяч членов [18].**

По вечерам рабочие охотно приходили в секции поговорить о своих делах, послушать выступления, почитать газеты и т. д. За входящими строго следили сами гапоновцы, активисты политических партий могли проникнуть в секции с очень большим трудом. И даже если им это удавалось, их быстро выявляли и выпроваживали.

Рабочие Санкт-Петербурга очень серьёзно относились к своим секциям. Полностью доверяя Гапону, они делились с ним своими бедами и стремлениями, спорили о том, как улучшить своё положение, обсуждали способы борьбы против хозяев. Будучи сам сыном бедного крестьянина, живя среди тружеников, **Гапон прекрасно понимал психологию своих собеседников. Он искусно делал вид, что все его симпатии — на стороне рабочих. Такова, в общих чертах, была его официальная миссия, особенно поначалу [19].**

Правительство хотело внушить членам «Рабочих секций» примерно следующее: «Рабочие, вы можете улучшить своё положение, ведя систематическую легальную работу в секциях. Для этого вам вовсе не нужно заниматься политикой. Отстаивайте лишь свои конкретные, непосредственные личные интересы, и вскоре жизнь ваша станет лучше. Партии и политическая борьба, всё то, что предлагают вам дурные пастыри — социалисты и революционеры, — не приведут вас ни к чему хорошему. Займитесь своими непосредственными экономическими интересами. Это вам дозволено, и только так вы реально улучшите своё положение. Правительство, заботящееся о вас, вас поддержит». Вот что Гапон и его помощники из рабочих проповедовали в секциях.

Рабочие не заставили себя ждать. Вскоре они разработали и сформулировали свои экономические требования. Гапон, оказавшись в более чем деликатной ситуации, был

вынужден поддерживать их. Если бы он этого не сделал, то тотчас бы вызвал недовольство рабочих, его почти наверняка обвинили бы в предательстве их интересов и поддержке хозяев. Он бы потерял популярность, и за этим могли последовать ещё более тяжкие подозрения, так что всё его дело потерпело бы крах. Ведя двойную игру, Гапон прежде всего должен был любой ценой сохранить завоёванные им симпатии. Он прекрасно понимал это и сделал вид, что полностью поддерживает рабочих, надеясь и в дальнейшем сохранить контроль над движением, манипулировать массами по своему усмотрению, руководить ими, определять их действия и направлять их в нужное русло.

Произошло прямо противоположное. Движение быстро вышло за намеченные для него рамки и достигло непредвиденного размаха, спутав все расчёты, разрушив все комбинации тех, кто стоял за ним. Вскоре оно вылилось в настоящую бурю, которая смела и самого Гапона.

В декабре 1904 года рабочие Путиловского завода, одного из самых крупных в столице, где у Гапона было немало сторонников и друзей, решили приступить к активным действиям. Получив одобрение Гапона, они составили и передали дирекции список требований экономического порядка, впрочем, весьма умеренных. В конце месяца они узнали, что дирекция «не сочла возможным выполнить их», а правительство не могло заставить её пойти на уступки. Более того, она уволила нескольких рабочих, которых сочла зачинщиками. Остальные потребовали их восстановления на работе. Дирекция отказала.

Возмущение и гнев рабочих были безграничны; прежде всего потому, что их долгие и трудоёмкие усилия пропали даром; а также, и это главное, потому, что им внушили веру в успех последних. Сам Гапон всячески поддерживал эту веру. И вот первый шаг по пути легальной борьбы обернулся обидной, ничем не оправданной неудачей. Рабочие почувствовали себя обманутыми и сочли своим нравственным долгом выступить в защиту уволенных товарищей.

Естественно, их взоры обратились к Гапону. Продолжая играть свою роль, тот притворился, что возмущён не меньше других и призвал рабочих Путиловского завода оказать решительное сопротивление. Что они и не замедлили сделать. Чувствуя поддержку секций и Гапона, они после нескольких бурных собраний решили объявить забастовку, ограничиваясь чисто экономическими требованиями. Правительство, доверяя Гапону, не вмешалось. Так в декабре 1904 года началась Путиловская стачка, первая массовая стачка в России.

Но движение на этом не прекратилось. Все рабочие секции взволновались и выступили в поддержку акции путиловцев. Они прекрасно поняли, что поражение последних стало бы их общим поражением. Разумеется, Гапон вынужден был поддерживать секции. По вечерам он по очереди обходил их, выступая с призывами ко всем рабочим поддержать путиловцев.

Через несколько дней столичные рабочие массы охватило брожение. Они в стихийном порыве оставляли свои мастерские. Неподготовленная, не имевшая чётких лозунгов и руководства забастовка на Путиловском заводе переросла в почти всеобщую стачку трудящихся Санкт-Петербурга.

Гроза разразилась. Массы бастующих устремлялись в секции, где, пренебрегая формальностями и попытками взять их под контроль, требовали незамедлительных и решительных действий.

И в самом деле, одна стачка — этого мало. Следовало действовать, *делать что-нибудь* —важное, решающее. Таков был общий настрой.

Именно тогда возникла — никому в точности неизвестно, когда и при каких обстоятельствах — фантастическая идея написать от имени несчастных рабочих и крестьян *всей России* «петицию» царю; организовать в её поддержку массовое шествие к Зимнему Дворцу; через делегацию во главе с Гапоном передать петицию самому государю и потребовать от него прислушаться к народным нуждам. Эта наивная и парадоксальная идея моментально овладела умами петербургских рабочих и объединила их, вдохновила, исполнила энтузиазма. Она придала их движению смысл и цель.

Секции поддакивали массам. Они взяли организацию акции на себя. Составить петицию было поручено Гапону, который вновь был вынужден дать своё согласие. Так в силу вещей он стал вождём массового движения исторического масштаба.

В самом начале января 1905 года петиция была готова. Составленная в простых и одновременно трогательных выражениях, она была вместе с тем насквозь проникнута верноподданническим духом. Прочувствованно и искренне излагались в ней тяготы народа. Царя просили прислушаться к ним, положить начало действенным реформам и проследить за их осуществлением.

Удивительно, но не подлежит сомнению: гапоновская петиция — действительно волнующий, вдохновенно написанный документ.

Теперь её необходимо было одобрить на всех секциях, донести до сведения широких масс и организовать шествие к Зимнему Дворцу.

Тем временем произошли новые события. Революционеры, входившие в политические партии (которые вплоть до последнего времени фактически держались в стороне от «гапоновцев»), вступили с Гапоном переговоры. Они стремились прежде всего воздействовать на него с целью придать петиции и действиям трудящихся менее «раболепный», более достойный и твёрдый, одним словом, более революционный характер. Таково же было и стремление рабочих. Гапон довольно охотно согласился с этим. Особенно тесный контакт установили с ним социалисты-революционеры. С обоюдного согласия он в последний момент переделал первоначальный текст петиции, значительно расширив её и умерив её верноподданнический дух.

В своей окончательной форме «петиция» представляет собой величайший исторический парадокс. При всей лояльности к царю от него требовалось ни более ни менее, как дозволить — и даже совершить — революцию, которая в конечном итоге лишила бы его власти. Действительно, в неё была целиком включена программа-минимум революционных партий. В частности, в качестве срочных мер предлагались: полная свобода печати, слова, совести, объединений и организации; право рабочих объединяться в профсоюзы и

бастовать; аграрные законы, направленные на экспроприацию крупной земельной собственности в пользу крестьянских общин; наконец, немедленный созыв Учредительного Собрания, избранного в соответствии с демократическим законом о выборах. Решительно, это было приглашение к самоубийству.

Вот окончательный текст «петиции»:

«Государь! Мы, рабочие и жители С.-Петербурга разных сословий, наши жёны, дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты.

Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как в рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать.

Мы и терпели, но нас толкают всё дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь! Настал предел терпению. Для нас пришёл тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнём работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немного просим, мы желаем только того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука.

Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсудили наши нужды. Но в этом нам отказали. Нам отказали в праве говорить о наших нуждах, находя, что такого права за нами не признаёт закон. Незаконными оказались также наши просьбы: уменьшить число рабочих часов до 8-ми в день; устанавливать цены на нашу работу вместе с нами и с нашего согласия; рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией заводов; увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до одного рубля в день; отменить сверхурочные работы; лечить нас внимательно и без оскорблений; устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега.

Всё оказалось, по мнению наших хозяев и фабрично-заводской администрации, противозаконно, всякая наша просьба — преступление, а наше желание улучшить наше положение — дерзость, оскорбительная для них.

Государь, нас здесь многие тысячи, и все это люди только по виду, только по наружности, в действительности же за нами, равно как и за всем русским народом, не признают ни одного человеческого права, ни даже права думать, говорить, собираться, обсуждать нужды, принимать меры к улучшению нашего положения.

Нас поработили и поработили под покровительством твоих чиновников, с их помощью, при их содействии. Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту рабочего класса и народа, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку. Карают, как за преступление, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалеть забитого, бесправного, замученного человека — значит совершить тяжкое преступление.

Весь народ — рабочие и крестьяне — отданы на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей, совершенно не только не заботящегося об интересах народа, но попирающего эти интересы. Чиновничье правительство довело страну до полного разорения, навлекло на неё позорную войну и всё дальше и дальше ведёт Россию к гибели. Мы, рабочие и народ, не имеем никакого голоса в расходовании взимаемых с нас огромных поборов. Мы даже не знаем, куда и на что деньги, собираемые с обнищавшего народа, уходят. Народ лишён возможности выражать свои желания, требования, участвовать в установлении налогов и расходовании их. Рабочие лишены возможности организовываться в союзы для защиты своих интересов.

Государь! Разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь? И разве можно жить при таких законах? Не лучше ли умереть — умереть всем нам, трудящимся людям всей России? Пусть живут и наслаждаются капиталисты и эксплуататоры рабочего класса и чиновники — казнокрады и грабители русского народа.

Вот что стоит перед нами, государь, и это-то нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому свершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнёт чиновников. Разрушь стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, и нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение.

Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы: они направлены не ко злу, как для нас, так и для тебя, государь. Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды её слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли заправлять ею. Необходимо (народное) представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собою. Ведь ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивай его помощь, прими её, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих. Пусть тут будут и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель — пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, для этого повели, чтобы выборы в Учредительное Собрание происходили при условии и всеобщей, и тайной, и равной подачи голосов.

Это — самая главная наша просьба; в ней и на ней зиждется всё, это главный единственный пластырь для наших больных ран, без которого эти раны сильно будут сочиться и быстро двигать нас к смерти. Но одна мера всё же не может залечить всех наших ран. Необходимы ещё и другие, и мы прямо и открыто, как отцу, говорим тебе, государь, о них от лица всего трудящегося класса России. Необходимы:

I. Меры против невежества и бесправия русского народа:

1) Немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки.

2) Немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии.

3) Общее обязательное народное образование на государственный счёт.

4) Ответственность министров перед народом и гарантия законности правления.

5) Равенство перед законом всех без исключения.

6) Отделение церкви от государства.

II. Меры против нищеты народной:

1) Отмена косвенных налогов и замена их прогрессивным подоходным налогом.

2) Отмена выкупных платежей, дешёвый кредит и постепенная передача земли народу.

3) Исполнение заказов военного и морского ведомства должно быть в России, а не за границей.

4) Прекращение войны по воле народа.

III. Меры против гнёта капитала над трудом:

1) Отмена института фабричных инспекторов.

2) Учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий выборных рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе, как с постановления этой комиссии.

3) Свобода потребительно-производительных профессиональных рабочих союзов — немедленно.

4) 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

5) Свобода борьбы труда с капиталом — немедленно.

6) Нормальная заработная плата — немедленно.

7) Непременное участие представителей рабочих классов в выработке законопроектов о государственном страховании рабочих — немедленно.

Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе; лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей родины от рабства и нищеты, возможно её процветание, возможно рабочим организовываться для защиты своих интересов от наглой эксплуатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничьего правительства.

Повели и поклялись исполнить их, и ты сделаешь Россию счастливой и славной, а имя твоё запечатишь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовёшься на нашу мольбу — мы умрём здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу... Пусть наша жизнь будет жертвой для страдавшей России. Нам не жаль этой жертвы, мы охотно приносим её».

Следует отметить, что вопреки всей парадоксальности создавшейся ситуации, искусственный ум увидит в готовившейся акции лишь закономерный результат воздействия разного рода тенденций, своего рода естественный «синтез» существовавших в ту эпоху различных элементов.

С одной стороны, идея коллективного похода к царю явилась, по сути своей, лишь проявлением наивной веры народных масс в благие намерения государя. (Мы уже говорили о том, как глубоко коренился в народе этот «миф о добром царе».) Таким образом, рабочие, которые в России никогда не порывали окончательно своих связей с деревней, разделили на время убеждение крестьян, что у «батюшки» можно обрести помощь и защиту. Пользуясь единственной предоставившейся возможностью, в своём стихийном, неодолимом порыве, они, несомненно, стремились прежде всего вскрыть нарыв, добиться реального и окончательного решения своих проблем. Надеясь в глубине своей простой души хотя бы на частичный успех, они в особенности стремились ставить перед собой именно конкретные цели.

С другой стороны, революционные партии, до того вынужденно державшиеся в стороне от движения, недостаточно сильные, чтобы ему воспрепятствовать и, тем более, придать ему более революционный характер, тем не менее сумели определённым образом повлиять на Гапона и вынудить его «революционизировать» свои действия.

Таким образом, акция явилась неоднозначным, но естественным результатом противодействия различных сил.

Что касается интеллектуальных и либеральных кругов, им была уготована участь бессильных свидетелей развития событий.

Поведение и психология самого Гапона, какими бы парадоксальными они ни могли показаться, тем не менее, легко объяснимы. Остававшегося прежде всего простым комедиантом, платным полицейским агентом, его неумолимо толкала вперёд мощная волна народного движения. В конце концов он уже не мог ей противиться. Вопреки его воле события поставили Гапона во главе толпы, сотворившей из него кумира. Этот авантюрист и романтик по духу неизбежно оказался в плену иллюзий. Инстинктивно ощущая историческую значимость событий, он, вероятнее всего, её преувеличивал. Ему виделось, что революция уже охватила всю страну, угрожает трону, а он, Гапон — верховный вождь движения, народный кумир, вознесённый на вершину славы, которая останется в веках. Увлечённый мечтой, которая, казалось, уже близка к осуществлению, он вообразил, что всё начавшееся движение сосредоточено в нём. Отныне деятельность полицейского агента перестала его интересовать. В те лихорадочные дни он даже забывал о ней, ослеплённый

отсветами грандиозной бури и поглощённый своей новой ролью, представлявшейся ему почти что божественной миссией. Так, весьма вероятно, рассуждал Гапон в первых числах января 1905 года. Можно предположить, что тогда он вёл себя в определённом смысле искренне. По крайней мере, такое впечатление сложилось у автора этих строк, который познакомился с Гапоном за несколько дней до произошедших событий и видел его в деле.

Но самое странное явление — молчание правительства и полное невмешательство полиции в лихорадочную подготовку шествия — легко объяснимо. Полиция не поняла перемену, произошедшую в Гапоне. Она доверяла ему до конца, решив, что в данном случае речь идёт о ловком манёвре с его стороны. И когда ей, наконец, удалось осознать произошедшую перемену и грозившую опасность, было слишком поздно для того, чтобы как-то сдержать развитие событий. Поначалу растерявшись, правительство в итоге решило дожидаться благоприятного момента, чтобы покончить с движением одним ударом. Пока же, не получая никаких указаний, полиция молча наблюдала за происходящим. И это необъяснимое, загадочное молчание только упрочило надежды масс. «Правительство не смеет противиться движению: оно пойдёт на уступки», — так рассуждали многие.

Поход к Зимнему Дворцу был назначен на утро воскресенья 9 января (по старому стилю). Предшествующие дни были в основном посвящены зачитанию «петиции» в секциях. Повсюду это происходило примерно одинаково. Сам Гапон или кто-нибудь из его друзей читал петицию рабочим и комментировал её. Петицию зачитывали после того, как секционный зал заполнялся народом и двери его закрывались; потом присутствующие расписывались на специальном листке и покидали зал. Затем он снова заполнялся народом, ожидавшим на улице своей очереди, и всё начиналось сначала. Так происходило во всех секциях, зачастую собрания продолжались до глубокой ночи.

Трагической нотой в эти последние дни звучал призыв оратора, на который толпа откликалась торжественной и суровой клятвой. «Товарищи рабочие, крестьяне и прочие граждане! — говорил оратор. — Братья по несчастью! Храните верность нашему делу. В воскресенье утром собирайтесь к Зимнему Дворцу. Ваше отсутствие будет означать измену нашему делу. Ведите себя спокойно, мирно, будьте достойны этого великого дня. Отец Гапон уже предупредил государя и гарантировал под свою личную ответственность, что ему с вашей стороны ничто не будет угрожать. Если вы допустите какие-нибудь неуместные действия, отцу Гапону придётся за это отвечать. Вы слышали петицию. Наши требования справедливы. Мы не можем больше влачить такое нищенское существование. Так что к царю мы идём с распростёртыми объятьями, с сердцами, полными любви и надежды. Ему остаётся только принять нас и прислушаться к нашим просьбам. Петицию передаст сам Гапон. Будем надеяться, товарищи, братья, что государь примет нас, выслушает и выполнит наши законные требования. Но если, братья мои, царь вместо этого выступит против нас с оружием, тогда, братья мои, горе ему! *Тогда у нас больше не будет царя! Тогда пусть вечное проклятие падёт на него и всю его династию!..* Поклянитесь же все, товарищи, братья, простые граждане, поклянитесь, что никогда не простите измены. Поклянитесь, что всеми средствами постараетесь покарать предателя...» И всё собрание в едином порыве отвечало, подняв руки: «Клянёмся!»

Там, где петицию читал сам Гапон — по меньшей мере по одному разу в каждой секции, — он добавлял: «Я, священник Георгий Гапон, именем Господа освобожу вас тогда от присяги царю, заранее благословлю того, кто покарает его. Ибо тогда у нас не будет больше царя!..». Поблуднев от волнения, он два, три раза повторял эти слова перед трепещущим в тишине залом.

«Клянитесь следовать за мной, клянитесь жизнью ваших близких, ваших детей!» — «Да, отец, да! Клянёмся жизнью наших детей!» — следовал неизменный ответ.

Вечером 8 января всё было готово к манифестации. Подготовилось и правительство. Некоторым интеллектуальным и литературным кругам стало известно, что оно приняло решение ни в коем случае не подпускать толпу к Дворцу; если народ будет упорствовать, стрелять без пощады. **К властям спешно отправилась делегация с просьбой не допустить кровопролития**[20]. Безуспешно. Все позиции были уже заняты. Столица находилась в руках вооружённых до зубов воинских частей.

Дальнейшее хорошо известно. В воскресенье 9 января с самого утра огромная толпа, в основном рабочие, многие с семьями, двинулась в сторону Зимнего Дворца. Десятки тысяч мужчин, женщин и детей из всех концов столицы и пригородов шли к месту сбора.

Повсюду их встречали патрули армии и полиции, открывавшие интенсивный огонь по скоплениям людей. Но людской порыв был столь силен, что толпа всё равно окольными путями непрерывно прибывала на площадь, запруживая соседние улицы. Тысячи людей, рассеиваясь под огнём патрулей, упорно стремились к цели, движимые любопытством, гневом, насущной потребностью во весь голос заявить о своём негодовании и возмущении. Многие, невзирая ни на что, всё ещё сохраняли надежду на успех, уверенные, что если им удастся пройти на площадь, к царскому дворцу, то государь выйдет к ним, примет их, и всё наладится. Одни предполагали, что, поставленный перед свершившимся фактом, царь перестанет сопротивляться и будет вынужден пойти на уступки. Другие в своей наивности воображали, что он не в курсе происходящего, не знает о стрельбе, что полиция, с самого начала всё тщательно скрывавшая от него, хочет теперь помешать народу встретиться с «батюшкой». Так что на площадь нужно прийти любой ценой... И потом, мы же дали клятву... Наконец, туда, быть может, удалось прорваться отцу Гапону...

Как бы то ни было, людское море заполнило в конце концов все подходы к Зимнему Дворцу и просочилось на саму Дворцовую площадь. Тогда правительство не нашло ничего лучшего, как рассеять эту невооружённую, растерявшуюся, отчаявшуюся толпу оружейными залпами.

Это было ужасающее, невообразимое, невиданное в истории зрелище. Под выстрелами в упор, воя от страха, боли, ярости, огромная спрессованная толпа была не в силах двинуться ни вперёд, ни назад. Позже это называли «кровавой баней». Отступая после каждого залпа как под порывом ветра, причём многие были раздавлены и задушены, она под давлением всё прибывающих масс возвращалась, давя трупы, умирающих, раненых... И билась в смертных судорогах под новыми выстрелами... Это продолжалось долго: до того момента, когда прилегающие улицы наконец освободились и собравшиеся смогли разбежаться.

В тот день в столице погибли сотни людей, мужчин, женщин и детей. Солдат предусмотрительно напоили до бессознательного состояния, чтобы избавить от всяческих сомнений. Некоторые из них, совершенно невменяемые, забавлялись тем, что стреляли по детям, вскарабкавшимся на деревья, «чтобы лучше видеть»...

К вечеру «порядок был восстановлен». Число жертв, даже приблизительное, никому не известно. Известно лишь, что всю ночь из города шли телеги, нагруженные трупами, которые хоронили в общих ямах в окрестных полях и лесах[21].

Известно также, что царя в тот день вообще не было в столице. Предоставив военным карт бланш, он бежал в одну из своих летних резиденций, Царское Село.

Что касается Гапона, он возглавлял толпу, шедшую к Зимнему Дворцу через Нарвскую заставу с хоругвями и портретами царя. Как и во многих других местах, эта толпа была рассеяна войсками уже на подступах к заставе. Гапон отделался легко. При первых же выстрелах он растянулся на земле и не шевелился. Несколько секунд казалось, что он убит или ранен. Друзья быстро подняли его и увели в безопасное место. Он состриг длинные волосы и переоделся в гражданское.

Некоторое время спустя Гапон оказался за границей, в безопасности.

Покидая Россию, он обратился со следующим кратким призывом к рабочим:

«Солдатам и офицерам, убивающим невинных братьев, их жён и детей, всем угнетателям народа — моё пастырское проклятие! Солдатам, которые будут помогать народу добиваться свободы — моё благословение! Их солдатскую клятву изменнику-царю, приказавшему пролить невинную кровь, разрешаю».

Затем он составил другую прокламацию, где в числе прочего заявлял:

«Товарищи, русские рабочие, у нас нет царя. Между ним и русским народом сегодня пролился поток крови. Настало время русским рабочим самим бороться за народную свободу. Завтра я буду среди вас, а сегодня я работаю для нашего дела».

Эти призывы широко распространялись по всей России.

Здесь уместно сказать несколько слов о дальнейшей судьбе Гапона.

Спасённый друзьями, бывший священник обосновался за границей. Позаботились о нём социалисты-революционеры. Теперь его будущее зависело только от него самого. Ему предоставили все необходимые средства, чтобы он мог забыть своё прошлое, продолжить образование и окончательно определить свои идеологические воззрения: короче, чтобы он стал подлинным человеком действия.

Но Гапон не обладал необходимыми для этого качествами. Священный огонь, волей случая опаливший его мрачную душу, оставался для него лишь огнём честолюбия и самоутверждения — и быстро угас. Вместо того, чтобы заняться самообразованием и

подготовиться к серьёзной работе, Гапон пребывал в бездействии, матери скуки. Неспешная, требующая терпения работа была не для него. Он мечтал поскорее продолжить свою эфемерную авантюру и покрыть себя славой. А события в России развиваться не спешили. Великая революция всё не начиналась. И Гапон заскучал. Вскоре он нашёл забвение в распутстве. Всё чаще проводил он время в подозрительных кабаках, где, напиваясь с женщинами лёгкого поведения, горько оплакивал свои утраченные иллюзии. Жизнь за границей ему опротивела. Несчастья родины причиняли ему страдания. Он любой ценой хотел возвратиться в Россию.

Тогда у него возникла мысль обратиться к правительству, попросить у него прощения и разрешения вернуться к нему на службу. Он написал в тайную полицию и таким образом возобновил с ней отношения.

Его бывшие начальники отнеслись к этому довольно положительно. Но прежде всего потребовали от Гапона материальных доказательств истинности его намерений. Зная о его близком знакомстве с влиятельными членами партии эсеров, они запросили у него точную информацию, которая позволила бы нанести решающий удар по этой партии. Гапон принял условия сделки.

Тем временем один из этих влиятельных эсеров, близкий друг Гапона инженер Рутенберг узнал о возобновлении его сношений с полицией и сообщил об этом в свой Центральный комитет. Комитет поручил ему — об этом рассказывает в своих воспоминаниях сам Рутенберг — любым способом разоблачить Гапона.

В конце концов Рутенбергу удалось войти в доверие к Гапону и дать ему понять, что готов за хорошее вознаграждение предать партию. Гапон такое предложение сделал. Инженер притворился, что согласен, и пообещал через его посредство выдать полиции важные партийные тайны.

Договорились о цене. Сделка — которую Рутенберг, о чьём согласии сотрудничать Гапон поставил в известность полицию, старательно затягивал — состоялась в России, куда они оба в конце концов возвратились.

Последний акт драмы разыгрался в Санкт-Петербурге. Сразу после прибытия Рутенберг предупредил нескольких рабочих, верных друзей Гапона, отказывавшихся верить в его предательство, что готов предоставить тому неопровержимые доказательства. Договорились, что рабочие будут тайно присутствовать при последнем разговоре между Гапоном и Рутенбергом: разговоре, в ходе которого предстоит окончательно обговорить цену предполагаемого предательства.

Встреча состоялась на пустующей даче в окрестностях столицы. Рабочим, прятавшимся в комнате, смежной с той, в которой велись переговоры, предстояло узнать о подлинной роли Гапона и затем публично разоблачить его.

Но рабочие не смогли сдержаться. Убедившись в предательстве Гапона, они ворвались в комнату, где разговаривали два человека. Они набросились на Гапона, схватили его и, несмотря на все мольбы (он вёл себя жалко, на коленях умоляя простить его ради своих

прошлых заслуг), зверски убили, после чего набросили ему верёвку на шею и подвесили под потолком. В таком виде и нашли его труп некоторое время спустя.

Так закончилась гапоновская эпопея.

В своих воспоминаниях, написанных в целом искренне, этот человек пытается — впрочем, весьма неловко — оправдать, объяснить свои сношения с полицией до 9 января 1905 года. Здесь он, похоже, говорит не всю правду.

Движение же шло своим путём.

События 9 января получили мощный отклик в стране. В самых далёких уголках люди с возмущением узнали, что вместо того, чтобы прислушаться к безоружному народу, пришедшему к Зимнему Дворцу рассказать о своих нуждах, царь хладнокровно приказал открыть огонь. Ещё долгое время крестьянские делегаты тайно прибывали в Петербург, чтобы выяснить правду.

Вскоре эту правду узнали везде. *Именно тогда был положен конец «мифу о добром царе».*

И ещё один исторический парадокс. В 1881 году революционеры убили царя, чтобы уничтожить миф о нём. Миф не пострадал. Двадцать четыре года спустя его уничтожил сам царь.

В Санкт-Петербурге результатом событий 9 января стала всеобщая стачка. В понедельник 10 января не работал ни один завод, ни одна стройка. Первая революционная стачка русских рабочих стала свершившимся фактом.

Из всего этого следует важный вывод:

Народу понадобилось пережить масштабный исторический опыт, чтобы начать понимать истинный характер царизма, ситуацию в целом и подлинные задачи борьбы. Ни пропаганда, ни самопожертвование энтузиастов не могли сами по себе привести к подобным результатам.

Версия #3

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 4 апреля 2025 13:34:40

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 5 апреля 2025 21:37:33